

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Август фон Кагенек

**ПРАВО
УМИРАТЬ
ПЕРВЫМИ**

**ЛЕЙТЕНАНТ 9-Й ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ ВЕРМАХТА
О ВОЙНЕ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

1939—1942

Август фон Кагенек
Право умирать первыми.
Лейтенант 9-й танковой
дивизии вермахта о войне на
Восточном фронте. 1939–1942
Серия «За линией фронта. Мемуары»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65665973

*Право умирать первыми. Лейтенант 9-й танковой дивизии вермахта о войне на Восточном фронте: Центрполиграф; Москва; 2021
ISBN 978-5-9524-5525-2*

Аннотация

Лейтенант германской армии, участник боевых действий на Восточном фронте в своих воспоминаниях пытается анализировать события, предшествующие Второй мировой войне, и причины ее развязывания. Автор подробно описывает предвоенную ситуацию и настроения разных слоев населения Германии, отношение к нацистам и фигуре Гитлера. Описывает особенности «странной войны» на Западном фронте, свое участие в боях на территории Украины и России, состояние

эйфории от побед первых лет войны и сокрушительное падение Третьего рейха.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	15
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Август фон Кагенек
Право умирать первыми
Лейтенант 9-й танковой
дивизии вермахта о войне
на Восточном фронте
1939–1942

August von Kagenek

Lieutenant sous la tête de mort

*** * ***

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполи-

Предисловие

Вступив в начале Второй мировой войны в кавалерию, которая с осени 1940 года была преобразована в бронетанковые войска, известные во всем мире под именем «панцеры», я провел четыре года своей жизни под знаком «мертвой головы». Это был наш отличительный знак. Мы носили его в качестве эмблемы на наших черных мундирах, иногда изображали на танках, иногда на флажках. Другие, например войска СС, носили его на своих головных уборах, именно для того, чтобы отличаться от армейских танкистов. Мы же, танкисты, очень дорожили этим знаком отличия и считали, что эсэсовцы незаслуженно используют эмблему, по праву принадлежавшую нам и не имеющую ничего общего с политикой, а следовательно, и с политическими войсками.

Но я не об этом. Моя служба под знаком «мертвой головы» была результатом воспитания, полученного от отца, братьев, моего окружения, моего времени, режима, при котором двенадцать лет жил немецкий народ. И получившие это воспитание не могли знать, какую судьбу оно им предназначило, какие несправедливости, какие разочарования...

Немцы всегда испытывали странное влечение к символам смерти. Древние германцы носили череп на своих штандартах, а немецкие крестьяне, восстававшие в XVI веке против своих светских и церковных владык, надевали череп на

острия своих длинных пик. В прусской армии «мертвая голова» была эмблемой гусар. К нам традиция ношения этого символа пришла от «Гусар смерти» – знаменитого гвардейского полка, расквартированного в Потсдаме и Брауншвейге. В регулярной армии ее ношение строго ограничивалось бронетанковыми войсками и исключительно экипажами танков и бронеавтомобилей. То есть это был отличительный знак, который мы высоко ценили, выражение образа жизни, отмеченного вызовом, бросаемым смерти, что также подчеркивал черный цвет нашей формы. Корпоративная гордость? Конечно. Если бы мы принадлежали к кавалерии, то считали бы себя «лучшими, чем наши братья» в библейском значении выражения. При режиме, доводившем до крайности культ элиты и первым в мире создавшим в высокой степени механизированную и бронированную армию, мы, естественно, гордились тем, что являлись острием этой современной армии. Мы имели «право» первыми идти в атаку, мы имели «право» умирать первыми. Всюду, куда гитлеровская Германия приносила войну, первые выстрелы делали именно солдаты в черной форме со знаком «мертвой головы». Грозная и тягостная слава, сомнительная слава, которой совсем не хочется гордиться много лет спустя. И тем не менее не эти солдаты навлекли проклятие всего мира на их родину.

В пятидесятых годах один бывший офицер люфтваффе зарабатывал большие деньги на ярмарках еще полуразрушенных в ту пору немецких городов.

Он придумал и с помощью своего бывшего механика сделал необычное устройство.

Это устройство называлось «ротор».

Речь идет об огромном цилиндре, вращавшемся вокруг вертикально установленной оси. Когда цилиндр достигал определенной скорости, пол опускался. Тогда те зрители, у кого хватило смелости войти внутрь «ротора», внезапно оказывались прижатыми к стенкам этой громадной кастрюли. Земля уходила у них из-под ног.

Вопя от ужаса или удовольствия, они оставались стоять, приклеившиеся, словно мухи или червяки, к стенкам устройства. Они являли собой гротескное зрелище людей, оказавшихся во власти страшных сил, куклами, застывшими в нелепых позах. Их раздирали восхищение, страх и удовлетворение. По мере того как скорость вращения уменьшалась, центробежная сила отпускала их. Тогда они медленно соскальзывали вниз и снопами падали на поднимающийся к ним пол. Они с трудом сохраняли равновесие на дрожащих ногах, выходя через маленькую дверцу под восхищенными взглядами зевак.

Всюду, где появлялся «ротор» – на мюнхенском Октоберфесте, на гамбургском «Соборе», на гигантской кирмесе¹ во Франкфурте или среди руин Майнца, жаждущая сенсаций

¹ *Кирмес* – регулярные празднично-образовательно-деловые события года, торжища широкого значения, организуемые в традиционно определенном месте. (Примеч. ред.)

публика буквально брала его штурмом. Среди рисковавших «прокатиться» на нем были люди всех возрастов и из разных краев.

Я часто наблюдал это зрелище. Однажды сам пережил этот необычный опыт и тогда понял, что аттракцион «ротор», производивший в годы после катастрофы такой эффект на толпы немцев, был символичен: этот народ на протяжении двенадцати лет находился в своего рода гигантском роторе, который безжалостно швырял его во все стороны, переворачивая с ног на голову. Этим «ротатором» был «тысячелетний» рейх, просуществовавший лишь двадцать лет, и это было фантастическое, гротескное, пьянящее, жутко волнующее вращение. Мы потеряли почву под ногами и доверились неизвестной силе, прижимавшей нас к стене и лишавшей возможности двигаться и сопротивляться. Народ позволял с собой все это проделывать. Большая карусель опьянила его. Он вопил сначала от удовольствия, потом от удивления и, наконец, от страха. Он слишком поздно понял, что, как только он подчинился центробежной силе, она лишила его воли.

В 1945-м мы едва только вышли через маленькую дверцу. Опьянение прошло, мы пребывали в изумлении; мы снова оказались на земле, от которой отвыкли и которой опасались.

Нам было больно ходить, потому что мы отвыкли пользоваться ногами.

А публика? В отличие от настоящей публики на ярмарках, выходивших встречали вовсе не восторженные взгляды. Совсем наоборот! С этими взглядами прошедшие войну предпочитали не встречаться, перед ними опускали глаза. Съеживались. Гнули спину под потоком обвинений, упреков, осуждений.

Сначала возникло желание разобраться, как все это стало возможным; затем надо было объяснить, в надежде получить прощение или, по меньшей мере, забвение.

Напрасное дело! За двадцать лет, прожитых во Франции в качестве корреспондента ряда немецких газет, я понял: невозможно, чтобы это забылось в стране, которая не только имела возможность наблюдать за поведением внезапно сошедшего с ума народа, но и сама пережила последствия этого заразного и разрушительного безумия. В бесконечных спорах с друзьями-французами, в ходе долгих дискуссий с моей женой, уроженкой Нанта, которая в первом браке была замужем за французским офицером, убитым в Алжире, на круглых столах о немецком движении Сопротивления, перед камерами французского телевидения, я пытался объяснить феномен национал-социализма в Германии.

Я попытался нарисовать его зарождение в стране, у которой отняли победу, в народе, истерзанном необъяснимым поражением, униженном миром, который с 1919 года во всех школах и всех домах называли «диктатом». В народе, травмированном финансовым и экономическим кризисом, пре-

следуемым навязчивым страхом перед коммунизмом, который чуть было не захватил власть в момент крушения империи и, без сомнения, не оставил этой надежды. В народе, как и другие заботящемся о национальном достоинстве, престиже, о некотором необходимом уровне могущества, достаточном, чтобы играть свою партию в концерте наций. Наконец, в народе, который всегда обладал и продолжает обладать, как основной чертой, как «наследственной болезнью», слишком обостренным чувством дисциплины, беспрекословного подчинения, легкого конформизма. Словом, целым комплексом недостатков, естественно, облегчивших безумное предприятие, которое должно было привести его к гибели...

Мне не удалось убедить моих слушателей. Тогда я счел себя обязанным привести свидетельства. Свидетельств у меня сотни, возможно, тысячи; нам грозит опасность утонуть в фактах! Но очень немногие немцы моего возраста, моего «класса» могут «напрямую» свидетельствовать в соседней стране, по-дружески (слава богу!), изъясняясь на языке хозяев, к тому же обсудив за прошедшие годы свои взгляды и воспоминания с французскими друзьями.

Я родился в 1922 году. В Германии говорят, что этот год – самый пострадавший во Второй мировой войне. Возможно, это правда. В моем полку в декабре 1939 года нас было шестеро – юных добровольцев; только двое вышли из «роты». Мне было пять лет, когда в Рейнской области, в моем родном Рейнланде, пришлось снять фуражку перед фран-

цузским триколором. Одиннадцать, когда к власти пришел Гитлер. Четырнадцать, когда немецкие солдаты вернулись на наш левый берег Рейна. Семнадцать, когда я вступил в кавалерийский полк в Бамберге. Восемнадцать, когда лейтенантом-танкистом вошел в Россию. Двадцать три, когда война выплюнула меня на землю мирной фермы моего отца в Айфеле.

В силу обстоятельств и знакомств мне довелось побывать в аристократических салонах Берлина и Потсдама, в доме сына кайзера, в подземном убежище Риббентропа, в русских степях, где стоит нечеловеческий холод, на берегах Дона, в заснеженных Арденнах, в зловещем «народном трибунале» в Берлине, пережить бомбежки и пожары больших городов моей родины. Безумный фильм, незабываемый фильм. Двое моих братьев были убиты, один под Москвой, другой под Тобруком. Сам я был трижды ранен.

А концлагеря, евреи? Что мы о них знали? Что могли поделать против этого? Нескончаемый экзамен совести, на котором нет ответа.

Я принадлежу к поколению, пережившему последнюю классическую войну в Европе. Две, если угодно, три крупных войны (1870–1871, 1914–1918 и 1939–1945 годов), были порождены соперничеством между французами и немцами, глупыми, трагическими и ненужными амбициями по обоим берегам Рейна. Амбиции угасли, антагонизм больше не имеет смысла. Двум великим побежденным народам это-

го века предстоит вместе работать.

Ничто не сможет изменить этого порядка вещей. Герои устали, время оружия закончилось. Возможно, свидетельствовать меня побуждает ностальгия.

Эту книгу я хотел написать совместно с другом-французом, который сражался на другой стороне, был арестован, подвергнут пыткам и депортирован нами. Мы с ним намеревались рассказать новому поколению, как это стало возможным, чтобы избежать повторения подобной трагедии. Но вдруг это стало ненужным: примирение двух народов произошло само собой, как по волшебству.

Итак, я пишу один, и единственная моя цель – объяснить, как и почему Германия на двенадцать лет превратилась в позор рода человеческого...

Глава 1

Американский домик

Последний день августа 1922 года был душным и жарким, как и все предшествовавшие ему дни этого четвертого лета после окончания Великой войны². Солнце с семи утра выжигало узкую долину реки Мозель между древним римским городом Трир и не менее древним и славным городом Кобленц.

Эта скалистая долина, поросшая лесом и виноградниками, была узкой. Воды в реке летом было мало, в некоторых местах ее можно было перейти вброд. В долине едва нашлось место для единственной железной дороги, а также для ухабистой грунтовой, с трудом следовавшей за изгибами русла. Еще несколько метров ровной земли, и тут как тут скала – серая, крошащаяся, острая.

И всюду, куда только достигал взгляд, виноградники. Лозы на самых маленьких клочках земли, порой в трех-четырех шагах от скалы, грозно нависавшей над долиной и серыми черепичными крышами деревенских домов. Там и тут через реку ходили паромы, перевозившие с одного берега на другой на своих старых досках повозки виноградарей, а при

² Принятое на Западе, в частности во Франции, название Первой мировой войны 1914–1918 гг. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.)

случае автомобиль богача или сельского доктора.

В этот последний августовский день 1922 года, в семь часов утра, я родился в одной из шестидесяти комнат замка Лизер, огромного уродливого строения, принадлежавшего моей бабке по материнской линии, баронессе фон Шорлемер.

Деревня Лизер находится почти на половине пути между Триром и Кобленцем, недалеко от маленького живописного городка Бернкастель. В те времена в ней было не более пятисот жителей, половина из которых жила на заработки, получаемые в огромном винодельческом хозяйстве моих деда и бабки. С тех пор ничего не изменилось.

Замок, большой и величественный, с огромными крышами, едва втиснулся на узкой полоске земли между рекой, дорогой и скалой. Его парк был скорее длинным, чем широким, а маленький поезд, проезжавший дважды в день в обоих направлениях, соединяя Бернкастель и главную линию Трир-Кобленц, издавал громкий неприятный шум, заполнявший комнаты, выходившие окнами на Мозель.

Сразу же за замком начинался виноградник – зеленый, густой, пышный. Как раз на него и выходила комната, в которой разрешилась – с помощью доктора Шмитта из Бернкастеля – моя мать. Поэтому мне приятно думать, что мой первый взгляд на этот низкий мир упал на виноградник. Вне всяких сомнений, из этого взгляда родились моя любовь к вину и симпатии к тем, кто его пьет.

Мое рождение не было желанным в семье. У моих родителей уже было четыре сына, и они очень хотели дочь. А вот нет! Пришлось довольствоваться пятым мальчиком и ждать еще три года, пока на свет появится их единственный отпрыск женского пола.

За три года до того мой отец вернулся с войны, точнее, из английского плена. Поскольку у него не было достойного жилища, он поселился в доме тещи, где места было предостаточно. Генерал, командир кавалерийской бригады на Западном фронте, он со всем своим штабом попал в плен к канадскому патрулю во время последнего крупного наступления весной 1918 года, которое, по мнению Людендорфа³ и кайзера, должно было решить судьбу войны. О поражении, свержении монархии, бегстве кайзера и революции в Киле и Берлине он узнал, сидя в лагере для военнопленных в Доннигтон-Холл, близ Лондона, созданном англичанами для старших офицеров и генералов. Освобожденный летом 1919-го, он вернулся в Германию, пребывавшую в полном хаосе. В поезде, везшем его из Бремена в Бонн, где тогда жила моя мать с их четырьмя сыновьями, пьяные солдаты с красными революционными повязками на рукавах оплевали его генеральскую форму. Всю дорогу он просидел в коридоре на чемодане; купе первого класса, прежде предназначавшиеся ге-

³ Людендорф Эрих Фридрих Вильгельм (1865–1937) – немецкий генерал пехоты, с августа 1916 г. генерал-квартирмейстер (заместитель начальника Генерального штаба), разработал и осуществил план генерального наступления на Западном фронте, известного как Весеннее наступление (21 марта – 18 июля 1918 г.).

нералам, были оккупированы солдатней. Этот случай сильно подействовал на него.

Отец мой сделал, как это называли в те времена, блестящую военную карьеру. Это не слишком сочеталось с традициями семьи. Кагенеки – уроженцы Страсбурга; и сегодня одна из улиц этого древнего города носит наше имя. Они чаще становились чиновниками, служащими и коммерсантами, иногда священниками и даже епископами. Военными они стали позднее, когда в результате перехода Эльзаса под суверенитет короля Франции семья разделилась на французскую и немецкую ветви. Многие эльзасские Кагенеки служили в двух полках, которые Эльзас предоставил в распоряжение нового своего властителя: Эльзасском королевском и Королевском немецком.

Моя же семья, перебравшаяся за Рейн, поступила на службу к венскому кайзеру⁴, приобрела внушительное количество имений в Бадене, и с тех пор мои родственники занимались земледелием, служили в гражданской администрации, играли в азартные игры (вследствие чего лишились изрядного количества замков) и наслаждались пьянящей придворной жизнью Вены. Один из предков был штатгальтером⁵ провинции Передняя Австрия. В 1630 году он построил на

⁴ Имеется в виду император Священной Римской империи германской нации. Центром личных владений занимавшей императорский престол династии Габсбургов была Вена.

⁵ Наместником.

дороге из Бризаха в Фрибург-им-Брейсгау замок Мюнзинген, который с тех пор принадлежит моей семье. Людовик XV провел там несколько ночей и, как говорят, оценил красоту одной из внучек строителя замка, а ее сестра стала матерью канцлера Меттерниха.

Что же касается французской ветви, она угасла во время Великой революции. Последний Кагенек жил при дворе в Версале и оставил любопытный рассказ о версальских нравах в своих «Письмах барона Альтсромера», изданных в Париже в 1884 году.

Мой отец, второй сын Генриха Юлиуса Кагенека и Анны Глейхенштейн, покинул родной баденский дом в 1889 году, чтобы вступить в гвардейский гусарский полк кайзера Вильгельма II в Потсдаме. Этот поступок «перебежчика», который предпочел скаредную Пруссию веселым дунайским областям его предков, не встретил понимания. Его первые письма матери, написанные, между прочим, зачастую на французском, свидетельствуют о некотором разочаровании в строгостях гарнизонной жизни в прусской армии, о скованной атмосфере потсдамских и берлинских салонов и о лишениях военной жизни. Но очень скоро разочарование сменилось восторгом после первых приглашений к берлинскому двору, практиковавшихся в гвардейских полках для юных младших офицеров еще со времен Фридриха Великого, после первых скачек, на которых блистал этот молодой баденский наездник, и первых романов с барышнями из бранден-

бургских фамилий.

Кроме того, для стремящегося сделать блестящую карьеру Германия подходила больше, чем Австрия...

Капитан Большого генерального штаба при Шлиффене⁶ в 1904 году, отец через два года был направлен в Бельгию в качестве военного атташе при германском посольстве. В 1907 году он, наконец, попал в Вену, тоже как военный атташе. Там он прослужил вплоть до объявления войны. Он стал близким другом Франца-Фердинанда⁷, позже убитого в Сараеве. Часто бывая в Шёнбрунне⁸, он быстро стал доверенным лицом старого кайзера Франца-Иосифа. В это же самое время он стал одним из ближайших сотрудников Вильгельма II, который в 1912 году сделал молодого баденского офицера «адъютантом своей свиты». Таким образом, он стал свидетелем всех событий, которые неотвратимо вели к грандиозному европейскому пожару.

Позднее отец рассказывал мне, что в эти драматические годы часто сновал челноком между Веной и Берлином. Он

⁶ *Шлиффен* Альфред фон (1833–1914) – граф, прусский генерал-фельдмаршал (1911), начальник германского Генерального штаба (1891–1905); автор знаменитого плана молниеносного разгрома Франции и затем России.

⁷ *Франц-Фердинанд* (1863–1914) – эрцгерцог, племянник и наследник императора Франца-Иосифа; вместе с женой убит сербским террористом, членом организации «Млада Босна», связанной с сербской разведкой и сербским националистическим тайным обществом «Черная рука». Убийство Франца-Фердинанда стало поводом к началу Первой мировой войны.

⁸ Дворец, летняя резиденция австрийских императоров.

был в числе тех, кто после сараевской трагедии не советовали кайзеру слепо поддерживать своего австрийского союзника: такое поведение должно было вызвать роковую цепную реакцию – мобилизации армий всех ведущих держав. Но он также предупредил о массированных поставках французами оружия русским, что способствовало непреклонности царя в отношении Вены. По его мнению, в июле 1914 года война стала неизбежной, но всю свою жизнь он считал ее роковой ошибкой, чем-то вроде природной катастрофы, обрушившейся на Европу, а не преднамеренным актом Центральных держав⁹. Это объясняет его последующую поддержку антиверсальской политики Гитлера.

В 1910 году он женился на второй дочери губернатора Рейнской провинции, который также был министром сельского хозяйства Пруссии, Клеменса фон Шорлемер-Лизера. Моя мать была очень красива. От своей матери, урожденной Пуричелли (итальянская семья, обосновавшаяся в Германии в XVIII веке), она унаследовала черные глаза и волосы, характерные для уроженцев южных стран, а от отца, происходившего из семьи крупных вестфальских помещиков, орлиный нос и неукротимую энергию.

Мой дед по материнской линии был очень влиятельным господином. Он отвечал за двадцать миллионов крестьян, обрабатывавших немецкую землю от люксембургской границы до Немана. Пылкий католик, сын того Шорлемера, кото-

⁹ Германия и Австро-Венгрия.

рый в 1880-х вместе с Виндтхорстом¹⁰ противостоял Бисмарку¹¹ в период «Культуркампа»¹², он был принят в Риме папой Львом XIII и защищал права католиков перед своим кайзером. Его жена была знатной дамой. Она устраивала приемы в своих салонах – в Берлине, где владела домом, во дворце губернатора Рейнской области в Кобленце или в Лизере. Иногда сам кайзер проводил там несколько дней отдыха, потягивая легкое сухое белое вино с берегов Мозеля. Его сыновья, в том числе кронпринц Вильгельм и толстяк Эйтель Фриц, боннские студенты, приезжали в Лизер на уик-энды. На фотоснимках того времени они изображены в смешных теннисных костюмах, пытающиеся обмениваться ударами по мячу с моей матерью и моими тетками на маленьком корте, оборудованном между дорогой и замком.

Моя бабушка, друг и доверенное лицо кайзера, много путешествовала с пятью своими дочерьми. Она одинаково хорошо знала Париж, Вену и Берлин в той Европе до 1914 года, где границы не имели никакого значения и где деньги легко обменивались. Во время одного такого путешествия, в Ве-

¹⁰ *Виндтхорст* Людвиг Иоганн (1812–1891) – немецкий политик, депутат имперского рейхстага, лидер католической Партии центра.

¹¹ *Бисмарк* Отто фон (1815–1898) – рейхсканцлер Германии (1871–1890).

¹² «Культуркампф» (*нем.* Kulturkampf – «борьба за культуру») – период жесткой борьбы (1870-е гг.) возглавляемого Бисмарком правительства Германской империи за установление государственного контроля над католической церковью на территории Германии.

не, у Ауэрспергов¹³, юная Мария Шорлемер познакомилась с военным атташе рейха. Охоты во владениях австрийского кайзера, нескольких вечеров в Опере и бала в Хофбурге¹⁴ оказалось достаточным, чтобы сломить сопротивление моей суровой бабки. В ноябре 1910 года в Лизере состоялось бракосочетание юной рейнландской баронессы и баденского графа, бывшего на восемнадцать лет старше ее.

Через двенадцать лет под сенью виноградника родился я.

В окружении этих прелестных пейзажей я прожил первые годы. Большой дом всегда был полон народу. Детей в семье было много. У одной из сестер матери их было одиннадцать, у другой – четверо, а у их брата – восемь. На момент смерти моей бабки в 1936 году у нее было тридцать три внука и четыре правнука. Можно себе вообразить шум в саду во время больших летних каникул! Многочисленным нянькам, нанятым главами семьи, с трудом удавалось поддерживать порядок, тут разводить в разные стороны драчунов, там утешать расплакавшегося. Были качели, гора песка, игры в прятки, облегчаемые наличием огромных деревьев, и в их числе гигантская ива, плакавшая так, что в ее слезах можно было спрятаться.

А еще позади замка простирался таинственный мир, за-

¹³ Австрийский княжеский род, из которого вышли многие политики и военачальники.

¹⁴ Дворец, зимняя резиденция императоров и основное местопребывание императорского двора в Вене.

претный для простых смертных, с набитыми сеном амбарами, с высокими крышами и заборами; мы лазали туда, пробираясь в виноградники и устраивая тайные походы на поросшие лесом холмы. Это был мир Никлы, старого истопника, простоватого умом, которому, чтобы его напугать, достаточно было крикнуть: «Никла, коммунисты идут!» Бог знает, кто эту пугалку придумал, но факт, что повторяли мы ее очень часто. Наверное, это были первые мои политические демонстрации.

Но главное – там стоял американский домик, маленькое деревянное строение, спрятавшееся в кустах в дальнем конце парка. На каждом углу лестница, а посередине простая платформа. Я никогда не спрашивал, почему этот домик там стоит, кто его построил и, главное, почему он носит такое странное название Amerika-Häuschen, смешно звучащее в этой тесной долине Мозеля. Много позже я узнал, что это подарок американских военных, которые в 1918–1919 гг. ненадолго появились в этих краях в качестве оккупантов. Они построили маленький деревянный домик, чтобы давать там концерты для населения и для моей бабушки, проявившей щедрость, разместив американского коменданта в Kronprinzenzimmer – комнате, предназначавшейся до войны старшему сыну кайзера.

Короткое пребывание победителей не нарушило тишины и спокойствия деревни и ее жителей. За долгие века их здесь перевидали великое множество, начиная с римлян, за кото-

рыми пришли гунны, затем французы, все время французы! В 1814 году, возвращаясь после Битвы народов при Лейпциге, Наполеон перешел Мозель именно в Лизере. В одном из подвалов старого замка находилась картина, изображающая мэра деревни подносящим императору блюдо винограда.

Американцы пробыли там всего несколько месяцев, явно не заинтересовавшись страной и ее жителями, вынудившими их впервые в истории пересечь Атлантику. Двадцать семь лет спустя они пришли туда, следуя от люксембургской границы, и именно в Лизере форсировали Мозель, чтобы изгнать с левого берега Рейна последних немецких солдат. Так что место моего рождения является историческим...

Но в моем раннем детстве не было никого, кто рассказал бы мне о трагическом положении моей родины, кроме домика со странным названием. Ничто не омрачало моей повседневной жизни, за исключением оплеух от Кранни, моей няньки, за испачканные штаны или разбитое стекло. На вершине иерархии находилась Ома, бабушка. Ее мы видели очень редко, по воскресеньям, на мессе, которую в маленькой замковой часовне служил аббат Лаахского монастыря Девы Марии. После вечернего поцелуя мы получали конфетку, если хорошо вели себя днем.

Время от времени нас возили в дальние экскурсии на большом «мерседесе» с гербом Шорлемеров. Случалось это редко, поэтому очень ценилось. Иногда нас, в больших ландо, в которые запрягали лошадей из замковой конюшни, во-

зили за густо поросшие лесом Хюнсрюские горы, на правый берег Мозеля в охотничий домик Winterhauch (Зимний ветер). Это был настоящий маленький сказочный дворец, затерянный в огромном дубовом и сосновом лесу.

Там наши отцы охотились на оленей и косуль. Это они, беря нас с собой в свои дальние походы, раз и навсегда привили нам любовь к природе, животным и одиночеству.

Глава 2

«Песнь немцев»

Весной 1925 года мой отец приобрел Блюменшейдт – маленькое поместье в сто гектаров недалеко от города Виттлих, в 18 километрах от Лизера, у подножия лесистого горного массива Айфель; оно было совершенно отрезано от внешнего мира. Отец хотел превратить его в достойное и постоянное жилище для своей семьи, насчитывавшей уже восемь душ. Однако моя мать не пожелала покидать свой любимый Мозель. Он смирился с ее решением, очевидно все-таки сожалея о своем родном Бадене.

Мы по-прежнему проводили уик-энды в Лизере, но отныне на большие каникулы уезжали в замок предков по отцовской линии – Мюнзинген, в 350 километрах. Мы должны были проникаться там истинно германскими философским духом и нравами местных жителей: коренных «южан», казавшихся нам странными, чей гортанный и быстрый выговор мы понимали с большим трудом.

Мюнзинген – полная противоположность Лизера: подлинный замок XVII века, древний и торжественный, полный оружия и охотничьих трофеев, мрачный, холодный, с деревянными обшивками стен, с восхитительной музейной мебелью (нам категорически запрещалось садиться в кресла!).

Потолки некоторых гостиных были расписаны итальянскими художниками XVIII века. Первые мои приезды в Мюнзинген были отмечены присутствием бабушки по отцовской линии – старой сморщенной дамы, властной и совершенно глухой. Мы целыми днями пропадали в диком неухоженном парке.

Там тоже были виноградные лозы, фруктовые деревья, таинственные и запыленные служебные строения. Дети фермера быстро стали моими приятелями. Мой дядя Генрих, единственный брат отца, веселый, шумный, компанейский, никогда не покидал своих владений и разговаривал с местным акцентом. Когда он ехал на своем стареньком «опеле», то никогда не пользовался клаксоном, чтобы обогнать телегу, везущую сено или зерно. Он просто кричал крестьянину, чтобы тот освободил дорогу, и этого было достаточно. Люди снимали перед ним кепку, что производило на меня сильное впечатление, поскольку дело происходило в стране, где Французская революция и Кодекс Наполеона давным-давно уничтожили подобного рода проявления почтительности.

Да, область между Саарой и Рейном, где я родился, с давних пор испытала и продолжала на себе испытывать влияние соседнего народа, что я очень скоро узнал. Рейнская область была тогда оккупирована французами – результат Великой войны и Версальского договора. В Виттлихе, административном центре нашего округа, стоял французский гарнизон.

Однажды утром я играл в куче сена, лежавшего на лугу перед домом. Мне было, наверное, лет пять. И вдруг я увидел надвигающегося на меня с угрожающим видом огромного иностранного солдата.

Я заметил его в самый последний момент, потому что зарылся в сено. Он был черным или очень смуглым и смеялся над моим испугом, показывая огромные белые зубы. Солдат прошел, не тронув меня. Высунув голову, я увидел, что солдаты всюду, до самого горизонта. Они шли быстрым шагом, далеко один от другого, через наши поля. У них были длинные винтовки со штыками, французские каски с козырьком и форма небесно-голубого цвета. В руках они крутили какие-то странные предметы, издававшие неприятный звук. Позднее кто-то объяснил мне, что это были трещотки, имитирующие звук пулеметных очередей; очевидно, они не располагали пулеметами в достаточном количестве. Позже, за столом, я услышал, как отец сказал матери, что «они» со своими маневрами опять вытоптали целое поле пшеницы.

Это было мое первое соприкосновение с оккупацией, и я сохранил от него чувство страха и отвращения. Какие-то странные люди явились в нашу страну, чтобы вытаптывать наши поля и пугать детей. Люди, которые были не похожи на нас, одевались в нелепые длинные голубые шинели и разговаривали на совершенно непонятном смешном языке. Короче, люди, действительно пришедшие из другого мира. Между собой мы, несколько презрительно, называли их

Franzmänner, словом, производным от Franzose (француз) и означавшим приблизительно «французики».

Разумеется, между оккупантами и оккупированными не было никаких признаков братания или даже какого бы то ни было сотрудничества. Я ни разу не видел, чтобы в дом пришел французский офицер. Мы делали все, чтобы избежать контактов с этими захватчиками, олицетворявшими собой несправедливое и ненавистное насилие. Мы были убеждены, что оккупанты сделают все, чтобы присоединить наш край к Франции. И мы были решительно настроены противопоставить им пассивное сопротивление.

На Пасху 1928 года моя прекрасная свободная жизнь закончилась. Пришлось идти в школу, как и всем.

Все мои братья уже учились в иезуитской коллегии в Бад-Годесберге на Рейне, и я видел их только во время каникул. Из друзей оставались только дочка фермера, Катринхен, и сын рантье, жившего поблизости от нашей фермы, Юпп, кто ежедневно, зимой и летом, пешком, а при случае на телеге, возившей на завод молоко, проделывал со мной двухкилометровый путь до города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.